

X 63.3(2K)

X-21

Общество Изучения Казакстана.

Том VIII - ой, вып. 2 - ой.

Проф. К. В. Харлампович.

X-20

**Восстание тургайских казак—киргизов.
1916—1917 г.г.**

(По рассказам очевидцев).

Издание Общества Изучения Казакстана.

Кзыл-Орда ————— 1926 г.

Проф. К. В. Харлампович.

Восстание тургайских казак-
киргиз 1916—1917 г.г.

(По рассказам очевидцев).

РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ Н. К. КРУПСКОЙ
1894

95

105

Жубан Молдағалиев атындағы
Батыс Қазақстан облыстық
ғылыми-әмбебап кітапханасы
Мемлекеттік мекеме
Батыс Қазақстан облысы,
Орал қаласы, Т. Тоқмоғал, 47

Уральская областная
БИБЛИОТЕКА
имени Н. К. Крупской

Восстание тургайских казак— киргиз.

1916—1917 г. г.

(По рассказам очевидцев*).

Движение, охватившее с середины 1916 года всю Среднюю Азию в связи с высочайшим указом о реквизиции на тыловые работы в армии местных „инородцев“ в возрасте от 19 до 43 лет, а в первую очередь от 19 до 31 г., затронуло и киргиз-казаков Тургайской области¹⁾.

Здесь оно началось едва-ли не раньше, чем в Туркестане (уже в июле), и продолжалось дольше—до самой февральской революции. В Тургайской области самым ярким моментом казак-киргизского восстания было нападение на г. Тургай и наиболее решительные действия разыгрались на территории Тургайского уезда. Были, правда, еще горячие схватки в пределах Иргизского уезда, но там агрессивности казак-киргизы не проявили. Что касается Кустанайского уезда, то в нем, равно как в соседнем с Тургайским—Атбасарском уезде дело ограничилось только глухим брожением казак-киргиз, не доходя до вооруженного столкновения с войсками.

По получении в Тургае телеграфного извещения о реквизиции на тыловые работы туземного населения, в город были приглашены волостные управители и им было велено доставить посемейные списки и приступить к немедленному набору казак-киргиз указанного возраста.

Управителям тех волостей, где посемейных списков не было, предложено было восстановить их по данным архива Тургайского уездного управления. Уже последнее обстоятельство дало основание для несмелых заявлений о том, что списки могут оказаться неправильными и выполнение по ним набора вызовет недовольство населения. Но начальство не желало считаться ни с такими представле-

*) Из них особенно ценные данные сообщены врачом Н. Гр. Гориним и Б. К. Каралдиным, которые сами собирали материалы и готовились осветить в печати движение Тургайских казак-киргиз. Им обоим автор выражает преимущественную благодарность за помощь.

1) Приказ был издан 25 июня ст/ст. и касался всех инородцев России, освобожденных от воинской повинности. Тыловые работы, как видно из разъяснения Туркестанского генерал-губернатора, должны были состоять в устройстве оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии. (Очерки революционного движения в Средней Азии. Сборник статей, м. 1926 г., стр. 49).

ниями, ни даже с фактическими проявлениями недовольства, которые имели место уже в июле. В Турсунской волости к управителю явилась толпа казак-киргиз в полтысячи человек и спрашивала его, даст-ли он начальству посемейные списки. „Дам, потому что требуют“, ответил он. Из толпы посылались упреки, что он бережет свою шкуру, забывая, что дело идет о жизни множества людей. Управитель стоял на своем, что он не может не дать, раз списки у него. Мелькнула мысль, что если бы их не было у него, тогда было бы другое дело.

— „Отдай их нам“. — „Возьмите сами“... Дело налаживалось, но никто не решался взять лежавшие на столе списки, — так давяще действовала мысль о возмездии. Наконец осмелился Оспан Чулаков*), неграмотный казак-киргиз, лет 55. Но и он применил большую осторожность: не взял списки прямо руками, а сбросил их со стола, полуопрокинувши его, на свой чекмень (верхний убор, кафтан), который разостлал на полу возле стола¹⁾. Эти мужество и находчивость Чулакова были отмечены соплеменниками: в округе он был провозглашен ханом.

Управитель Чубаланской волости по пути из Тургая домой был задержан в одном ауле толпой молодежи, требовавшей, чтобы он не отдавал посемейных списков, и угрожавшей ему за упорство даже смертью. Если не дошло до трагической развязки, то потому, что вмешался в спор 96-ти летний аксакал Токе Сюттубаев, представивший молодежи, что теперь для выступления против царской власти самый неподходящий момент. Если в 1840-х годах двадцати солдат с кремневыми ружьями было достаточно, чтобы арестовать любимого народом батыря Чегеня²⁾, то теперь царское войско вооружено винтовками, пулеметами, пушками, а они, казак-киргизы не имеют никакого оружия и даже дух воинский угас у них.

Эти увещания Токе дают понять, как в сознании Тургайских казак-киргиз, молодежи и столетних стариков, преломлялся переживаемый момент: сопротивление приказу о реквизиции расценивалось, как объявление войны царскому правительству, более того, как разрыв с Россией. Хотя для того у Тургайских казак-киргиз не было всех тех причин, какие побудили к восстанию туземцев Туркестана³⁾, но все же немало оснований быть недовольными русской властью и русскими вообще. И данный момент представлялся многим вполне

*) От редакции: Оспан Чулаков был личным противником вол. прав. Дауреноекова на почве обладания властью, что оказало влияние и на описанный автором инцидент.

¹⁾ В Средней Азии только в двух селениях в Ферганской области население предъявило к старшинам требование выдать списки и уничтожило их. (Очерки революционного движения в Средней Азии, 61).

²⁾ Чегень Мусин, казак-киргизской вождь, действовавший в Турсунской волости.

³⁾ Очерки революционного движения в Средней Азии (м. 1926 г.), России Ср. Бройдо Г. И., Восстание киргиз в 1916 году (м. 1925 г.).

подходящим для открытого выступления. Длительная, неудачная для русских война с немцами, навела тень на ореол непобедимости русского войска в глазах казак-киргиз, и обращение к последним за помощью давало понять им, что у русских дела совсем плохи, но что и им, казак-киргизам придется погибнуть на фронте. Такое заключение и было сделано казак-киргизами Тургайского уезда тогда после оглашения приказа о мобилизации и они даже взяли на себя инициативу восстания в более широком масштабе. Известно, что они послали посланцев с призывом к общим действиям к Кустачайским казак-киргизам, к Атбасарским, к Перовским, Иргизским. Но те были ближе к русскому населению и более доступны репрессиям со стороны воинских команд, почему активной поддержки не оказали.

Да и Тургайского уезда казак-киргизы решили держаться выжидательной политики, уклоняясь от призыва, или действовать путем просьб и увещаний. Сделана была попытка договориться с властями и видоизменить самый набор. В начале августа в Оренбурге собрался казак-киргизский съезд (по Тургайской области), на котором поднимались речи о замене мобилизации на тыловые работы набором в войска. Но эта мысль не получила общего признания и собравшимся внушено было перед их отъездом внушать населению на местах необходимость добровольной дачи рабочих.

С этой же целью 1 сентября прибыл в Тургай, тургайский губернатор Эверсман, для беседы с которым собралось до тысячи человек казак-киргиз. Разговор с ними губернатора происходил на площади перед зданием уездного управления (ныне помещение Укома). На собравшихся губернатор старался подействовать тем доводом, что он уже докладывал государю о верноподданнических чувствах казак-киргиз. Тургайские же аксакалы*) дали ему понять, что прежде и здесь было такое же настроение, но что теперь молодежь против мобилизации, а с молодежью трудно сладить... Договорились однако, что аксакалы будут стараться о выполнении высочайшего приказа. Но так как казак-киргизы заявляли, что при их кочевом образе жизни им самим нужны молодые работники для ухода за скотом, то Эверсман обещал, что на 100 голов лошадей будет оставлен один пастух призывного возраста и один—на 200 голов рогатого скота. Будут так же освобождены рабочие на конях и заводах и чины волостной и сельской администрации, а также будет оставлено по одному мулле на каждые 25 кибиток¹⁾.

*) От редакции: Особенно резко отвечал Эверсману аксакал Абрахман Иманкулов, имевший огромную популярность в среде казаков и выпустивший впоследствии собственные денежные знаки—«иманкуловские бонны».

1) В Туркестане инструкция ген.-губернатора освобождала от мобилизации следующие категории туземцев: 1) должностных лиц общественных управлений, 2) нижних полицейских чинов, 3) духовных, 4) туземцев, занимавших классные должности, и 5) пользующихся правами дворян и почетных граждан. (Очерки революционного движения в Средней Азии. Сборник статей, 51).

Наконец, он не противился посылке делегации в Петроград с ходатайством о полной-ли отмене приказа или о смягчении его.

Делегация от казак-киргиз Тургайской области, действительно, отправлялась в столицу и там околачивала пороги высокопоставленных лиц. Была она и у Распутина, который будто бы обещал за крупный денежный куш замолвить словечко перед царем. Но его поездка с этой целью к Николаю совпала с нападением тургайских казак-киргиз на сотню казаков (у оз. Татыр, 21 октября), и дело было испорчено. Часть депутатов после того вернулась домой, а другая оставалась в Петрограде до января, но опять-таки без результата.

Некоторые из туркменских племен хлопотали о замене набора на тыловые работы венной мобилизацией¹⁾. Такая мысль была и у тургайских аксакалов. Правда, имелось в виду, что неопытных в обращении с современным оружием казак-киргиз не поведут прямо в бой, что пройдет несколько месяцев, а может быть и целый год, пока их выучат. Но думали, что молодежь не согласится и на эту комбинацию, и, повидимому, на такой замене не настаивали*).

Хлопотали казак-киргизы,—принимало свои меры и начальство. Кроме приезда губернатора позаботились об усилении Тургайского гарнизона. Местная команда состояла из ста солдат. В августе на подмогу ей была прислана из Оренбурга чрез Иргиз сотня оренбургских казаков, из которой, впрочем, 35 человек вернулись в Иргиз. Спустя некоторое время из Верхне-Уральска прислана была 5-я запасная сотня оренбургских казаков, которая, как оказалось потом, имела особое назначение: она должна была пройти по степи для напоминания населению о том, что у правительства имеются в распоряжении войска...

О военной прогулке с этой сотней помощника уездного начальника Ткаченка мы имеем его подлинное донесение своему ближайшему начальству, писанное 28 октября, через 6 дней после возвращения в Тургай.

По распоряжению губернатора, он 24 сентября выехал с 5-й Оренбургской казачьей запасной сотней в поселок **Чолаксай** (в северной части уезда), чтобы, оставив там эту сотню, принять 97-ую донскую казачью сотню, находившуюся в поселке Богдановском Кустанайского уезда. Его маршрут лежал через волости Чубаланскую, Каракугинскую, Каратургайскую, Сарытургайскую, 1 и 2 Наурзумскую и Майкаринскую.

*) От редакции. Предложение заменить реквизицию военной мобилизацией было продиктовано стремлением затянуть набор и, конечно, было совершенно неискренним.

¹⁾ Очерки революционного движения, 78. Ср. сообщение Г. И. Бройдо о казак-киргизах Семиреченской области, среди которых возник проект о зачислении их в казачьи войска и наделении землей (о. е., 19—20).

Путешествие это ознаменовалось рядом арестов казак-киргиз, в большинстве „в порядке охраны“, за разные проступки, причем ясно было, что это были не совсем обычные у казак-киргиз действия, и направленные главным образом против русских, при том с употреблением оружия, иногда совершавшиеся толпой.

На урочище Батпак-каре Каратургайской волости 20 человек казак-киргиз ворвались было в торговую лавку купца Габитова, намереваясь ее разграбить, и произвели буйство, которое было прекращено случайно пришедшим в лавку аксакалом другой волости. Трех из них и арестовал Ткаченко, не указав однако в своем докладе, когда совершены были это и другие упоминаемые им нападения. В том же урочище разграблены были квартира фельдшера Лысикова и приемный покой. Прибыв туда, Ткаченко взыскал с аксакалов 1013 руб., за унесенные у Лысикова вещи и взял обещание, что они до 15 октября выдадут всех виновных. А пока что, он арестовал трех казак-киргиз 2 аула. Наконец, в том же урочище группа казак-киргиз совершила покушение на грабеж у Вас. Архипова и Ник. Шишкова, по словам которых казак-киргизы явились с пиками. Ткаченко не удалось отыскать оружия, тем не менее он арестовал трех казак-киргиз аула № 6 Каракугинской волости. Хотя причины нападений на Лысикова, Архипова и Шишкова кроются в личных их отношениях к казак-киргизам (первый держался с ними высокомерно и неприязненно, а те двое эксплуатировали их), но симптоматичным было то, что почти в одно время и в одной местности произошло несколько случаев открытого выступления против русских (и торговца татарина) со стороны казак-киргиз из разных волостей.

Еще дальше, во 2-й Наурзумской волости группа казак-киргиз аула № 2, вооруженная пиками и ружьями, оказала „вооруженное сопротивление“ части Оренбургской казачьей сотни, остававшейся в Чолаксае, при чем один киргиз был убит. Явившись в Чолаксай, Ткаченко произвел дознание и „в порядке охраны“ арестовал трех казак-киргиз из аула № 2¹⁾.

Оставив 5 Оренбургскую казачью сотню в Чолаксае, Ткаченко переехал в Кустанайский уезд и там встретил 97 донскую сотню (в составе до полутора ста человек), с которой и совершил обратное путешествие в Тургай, и тоже не без инцидентов.

Во 2-й Наурзумской волости, в Сипсинской даче Аман-Карагайского лесничества, казак-киргизы аула № 7 систематически расхищали казенный лес, сожгли, наконец, казенный кардон, занимавшийся лесниками Бугевым и Филипповым, и разграбили их имущество и сено. В качестве компенсации за причиненный ущерб Ткаченко взыскал с волостного управителя 1319 рублей, и заодно аре-

¹⁾ Так представляет дело донесение Ткаченко. В действительности убитый, бывший без всякого оружия, воспротивился рубке казаками тала.

стовал 27 казак киргиз названного аула, в том числе народного судью.

В 1-й Наурзумской волости Ткаченко арестовал, впредь до окончания дознания, помощника волостного писаря Исы Баймухаммедова, обвинявшегося в выдаче казак-киргизам посемейных списков за 1912—15 г.г., по которым казак-киргизы должны были призываться на тыловые работы. Этот проступок, стоявший в самой тесной связи с переживаемым моментом и им обусловленный, имел очень большое значение в ходе развивавшейся борьбы: при отсутствии у казак-киргиз метрических книг семейные списки были единственным способом определения возраста. Сокрытие или полное уничтожение таковых во многих местах Тургайского уезда повело к тому, что при фактическом проведении мобилизации оказалось очень мало мужчин от 19 до 31 года.

Резюмируя свои впечатления от проезда по северным волостям уезда, Ткаченко свидетельствовал, что „киргизское население по отношению к русским было враждебно настроено“ и что, по слухам, где то во 2-й Наурзумской волости происходило совещание киргиз, „но открытых действий по отношению к нам они не проявляли“. Несколько иные впечатления вынес от поездки в Чолаксай для вскрытия тела убитого казаками казак-киргиза аула № 2, 2-й Наурзумской волости врач Н. Г. Горин. Он даже враждебных чувств казак-киргиз не заметил, а только какую-то настороженность. В двух-трех местах ямщики почтовых станций покинули их и удалились с лошадьми в сторону от дороги, так что их нужно было отыскивать в степи по указанию оставшихся на станции лиц.

Возвращаясь к рассказу Ткаченко. Недалеко от Тургая, в ауле № 3 Майкарянской волости, на кочевке 20 октября один казак-киргиз сообщил Ткаченко, что жители Чубаланской, Каракучинской, Тусунской, Аккумской и других волостей готовятся напасть на 97 казачью сотню, чтобы не допустить до города. Хотя и не сразу, Ткаченко все же поверил этому невероятному известию, приняв во внимание те „беспорядки“, на какие он раньше наткнулся в степи. И, действительно, на следующий день, часов в 11, когда отряд находился вблизи оз. Татыр, в 50 верстах от Тургая, замечены были впереди огромный столб пыли и толпы казак-киргиз, скакавших к нему с разных сторон. Предчувствуя недоброе, Ткаченко с командиром сотни Маргуновым решили держаться берега, чтобы не быть окруженными казак-киргизами. Минут через 20 масса казак-киргиз, вооруженных пиками, топорами и ружьями, поскакала по направлению в отряд. Приблизившись на расстояние с версту, они раскинули цепь и, стреляя из ружей, начали охватывать отряд с трех сторон. Командир сотни, установив обзв и арестованных у самого берега и сам оставшись с ними, передал командование прапорщику

Пестель-Корсу, который встретил нападавших огнем. Одним из первых выстрелов был убит казавшийся предводителем, казак-киргиз Тычкамбаев, скакавший впереди и призывно размахивавший малахам. Но его смерть, как и многих других казак-киргиз, которые, упав с лошадей, тотчас же подбирались и увозились в тыл, не ослабила натиска. Когда же и учащенные залпы казаков не возымели действия, им велено было сесть на лошадей и броситься в атаку, правда, с неотточенными шашками. Казак-киргизы дрогнули и показали тыл, но, настигнутые у речки, повернули назад и, столкнувшись лицом к лицу с казаками, пиками убили троих и троих ранили. Что касается самих казак-киргиз, то их убито было несколько десятков ¹⁾.

Сражение с казак-киргизами продолжалось в течении 4-х часов, повествует далее Ткаченко, сообщаящий о паническом бегстве казак-киргиз, сжигавших свои землянки.. Но схватка не могла продолжаться так долго, и свидетельство Ткаченко нужно, очевидно, понимать так, что в эти четыре часа происходили и боевые столкновения, и преследование казак-киргиз, и сожжение зимовок казаками (а не казак-киргизами) и истребление казаками в зимовках мирного населения, даже женщин и детей. Делая эту поправку к сообщению Ткаченко, можно согласиться с его цифрой (все же гадательная) всех убитых казак-киргиз—200.. Поправка эта основана не на предположении, а на сообщениях самих казак-киргиз, иные из которых были участниками сражения.

Трофеями казаков были 10 пик и два ружья. С ними, с трупами убитых казаков и с своими ранеными отряд двинулся дальше. Но в верстах 6-7, около оз. Алкау, в пределах аула № 4 Чубаланской волости, он встретил вторую толпу вооруженных казак-киргиз, приблизительно в 1000 чел., по исчислению Ткаченко. Вероятно, это были те же казак-киргизы, какие были рассеяны на озере Татыр. Предполагая новое нападение, казаки спешили. Но казак-киргизы, простояв на дороге до наступления темноты, скрылись, и казаки благополучно добрались до Тургая в 6 ч. утра 22 октября ²⁾.

¹⁾ Такова цифра, сообщаемая самими казак-киргизами, иные из которых своих убитых доводят до сотни. По докладу же Ткаченко, их убито более 200—цифра, без сомнения, преувеличенная. Во время боя не до счета было, тем более, что своих убитых казак-киргизы тотчас-же увозили. Ткаченко, бывшему в обозе, казалось даже, что увозили «на телегах»... Явно преувеличена у Ткаченко и цифра нападавших: «более 4000 чел.» Сами казак-киргизы считают 1000—1500 чел. В бою участвовали волость Аккумская и отчасти Чубаланская. Насколько мог ошибаться Ткаченко, видно еще из одного примера. Он говорит в докладе, что во время перестрелки пытался бежать один из арестованных за нападение на фельдшерский пункт в Батпак-Каре, именно Нуркат Нуржанов, но был застрелен, а его труп увезен казак - киргизами. — В действительности Нуржанову удалось убежать. Кроме него в разное время убежало еще трое арестованных Ткаченко.

²⁾ Копия доведения Ткаченко уездному начальнику, повторенного в донесении Тургайскому губернатору 23 янв. 1917 г. № 867. Документ, принадлежащий Б. К. Каралдину и приложенный в конце статьи.

Нечего и говорить, что военная прогулка Ткаченко по степи только подлила масла в разгоревшийся уже огонь недовольства казак-киргиз правительством и его агентами, независимо от личности этого господина, не вызывавшего симпатий к себе и в мирное время. Жестокий и грубый вообще, он, опираясь на военную силу, способен был на эксцессы. И, действительно, ходили слухи, что Ткаченко вымогал у населения припасы для казаков и даже будто прибегал к порке. Затем ряд произведенных им арестов и денежных взысканий, а особенно жестокая экзекуция, произведенная над мирным населением у оз. Татыр доновскими казаками,—все это должно было еще более возбудить казак-киргиз. С другой стороны сделана была попытка представить дело так, что казак-киргизы имели частичный успех. Участники боя пустили слух среди туземцев, что взято в плен несколько казаков. В результате создавшееся возбуждение уже на следующий день вылилось в форме разгрома всех почтовых станций между Иргизом и Тургаем и перерыва между ними сношений не только почтовых, но и телеграфных ¹⁾. Случилось это 22 октября. Уже в 8 часов утра этого дня перестал действовать телеграф, а спустя несколько часов видимый из Тургая пожар ближайшей станции дал понять, в чем дело.

Впоследствии стало известно, что разгром почтовых станций должен был изолировать Тургай от прочей России, чтобы легче было овладеть им. Но, наряду с этим, действия казак-киргиз давали чувствовать, что они объявили войну не только русскому правительству, но и русскому народу: при разгроме станций расхищалось имущество служивших на них, в огромном большинстве русских, а самих их уводили в плен, за исключением немногих, которые тут же умерщвлялись (так на первой станции от Тургая погиб писарь, на второй—Бакпаке—был сожжен служащий Мейер). Подвергались увозу в степь даже не служащие, а проезжавшие, случайно оказавшиеся на станции в момент нападения на нее.

Через два дня после сожжения станций дошел до Тургая слух, что на ближайшей из них есть раненые. Тогда группа граждан во главе с Ткаченко, с участием врача Н. Гр. Горина, начальника почтово-телеграфной станции Балакина, всего человек 15, решила съездить туда, чтобы их забрать. Приняты были некоторые меры предосторожности на случай внезапного нападения казак-киргиз. Но раненых не нашли, равно как и тел убитых и сожженных. Восстановили телеграфное сношение с Тургаем, но наладить связь с Иргизом не удалось. Экспедиция скоро обнаружила на соседних холмах группы всадников и поспешила вернуться в город, тем более, что воинский начальник Загайнов обещанной охраны не выслал.

¹⁾ Поближе к Тургаю орудовали туземцы, за пределами уезда—Иргизские казак-киргизы, с которыми туземцы находились в сношениях.

Как раз в этот день капитан Загайнов принял на себя звание коменданта и объявил город на военном положении, взяв на себя все заботы по охране его. Но он решил защищать только одно укрепление в северной части города, и жителям предложил перебраться в казармы. И, действительно, с этого времени большая часть обывателей стала на ночь уходить в казармы или в высшее начальное училище вблизи их. Но все же они не желали лишиться своих домов и движимого имущества, почему после 24 октября организовали добровольческую дружину человек в 140, которая соорудила баррикады на всех улицах у в'езда в город и несла караульную службу по ночам. Днем Загайновым ставился сторожевой пост на мосту через р. Тургай, в юго-восточной части города. Самый мост был поврежден и сделан непроезжим.

Необходимо отметить еще одну меру, принятую комендантом в интересах самообороны, когда обнаружилось, что немало горожан казак-киргиз уехали из Тургая. Он арестовал 10-15 казак-киргиз, которые казались ему подозрительными или пользовались авторитетом и могли стать заложниками, ограждающими город от нападения. В числе их оказались два волостных управителя (Тусунский и Чубалакский). Будучи привержены к русскому правительству и не сочувствуя движению, а в то же время опасаясь оставаться на местах, они прибыли в город и — очутились под замком... В числе арестованных оказался и местный мулла Бекис Мынбаев. Человек, пользующийся большим влиянием у казак-киргиз, Мынбаев в самом конце октября был послан комендантом к восставшим казак-киргизам, чтобы уговорить их покориться или по крайней мере не нападать на город. Свою миссию Мынбаев совершил в соупутствии одного своего пожилого ученика. Оба они благополучно доехали до штаба Аргынской армии. Но все доводы посла в пользу подчинения власти с негодованием были отвергнуты казак-киргизами. Среди них стали раздаваться голоса, призывавшие к расправе с послом. Мынбаеву пришлось вернуться в город ни с чем. В результате он оказался в заключении.

Параллельно с жизнью маленького города, затерявшегося как островок среди волнующегося необозримого казак-киргизского моря, шла жизнь в этом последнем. Началось „самоопределение“ Тургайского уезда и организация в нем гражданского и военного управления.

Сначала уезд распался на три ханства: северное, восточное и западное, (называем их так по географическому положению в уезде). Но северное, состоявшее из двух Наурзумских волостей Аргынского рода скоро было ликвидировано: нашли, что при близости к сплошному русскому населению, трудно сохранить свою самостоятельность. Тогда область его отошла к двум другим ханствам.

Западное ханство обнимало волости Тусунскую и Чубаланскую,

населенные казак-киргизами Аргынского рода, почему и называлось Аргынским. В этом роде аристократическими фамилиями считались Джанибековская и Калыбековская, происходившие от батыря XVIII ст. Джаныбека Кошкарева. За отказом более видных представителей двух этих фамилий от чести стать ханом ¹⁾, это звание принял на себя Джанибековец Оспан Чулаков. За него, кроме его происхождения, говорило и личное мужество, проявленное им при отобрании посемейных списков от Тусунского волостного управителя. У Аргынского хана была своя армия, во главе которой стояли Утетлегов-Ахмед и Кубеков Ташмагамбет.

Восточное ханство называлось Кипчакским, так как оно объединяло казак-киргиз Кипчакского рода; возглавлялось оно эмиром Абдулгафаром Жанбосуновым, избранным в это звание после 6 ноября. Его армией командовал Амангельды Удербает, принявший потом фамилию Иманова. Выдвинут он был на этот пост тем, что был хорошим стрелком и еще более, быть может, тем, что пользовался старой и заслуженной репутацией бармтача, сорви-голова, без участия которого не обходился ни один наезд в волости, ни одна свалка...

Обе армии, численностью тысяч в 8 человек, представляли военную силу почти всего Тургайского уезда ²⁾, силу, настолько внушительную, что для нее не могло быть неодолимых подвигов. Таким подвигом представилось взятие города Тургая.

Самая операция обсуждалась всенародно 4 ноября в 8 верстах от города, где собрались все вооруженные силы. Без споров принято было решение взять город и стереть его с лица земли, как опору в крае царской власти. Но в то время, как более горячий Аргынский хан Чулаков, вернее—его советники, предложил взять город, так сказать, с налета, штурмом, осторожный Абдулгафар, поддерживаемый бывшим тогда в лагере, известным казак-киргизским революционером Джангильдиным, явившимся из Ленинграда, предпочитал довести город до сдачи осадой. По его соображению, город, отрезанный от реки, не мог долго держаться, так как в нем не было ни одного колодца. После долгих споров, приведших, казалось, к победе Абдулгафара, остановились на компромиссном решении — город осадить, но, если окажется возможным, взять его приступом. Фактически был применен последний прием, но без особого соглашения и команды, а стихийно и дезорганизованно.

Еще накануне нападения, 5 ноября, часов около четырех вечера, сторожевой пост у укрепления заметил верстах в двух к северо-востоку от города, за рекой, скопление значительных сил казак-

¹⁾ Отказ этот обусловлен был страхом пред царским правительством.

²⁾ В состав их не входили казак-киргизы северных Наурзумских волостей и южный Кызыл-Джингильской,—они по отдаленности не участвовали в нападении на город Тургай, но их принципиальное согласие на любое выступление, против правительства было обеспечено.

киргиз. Наступившая скоро темнота укрыла их действия, и только подоженные в начале ночи сеновалы вблизи города дали понять, что враг близко. Ночью обе армии перешли через реку и очутились у самого города. На рассвете началось нападение, сигналом к которому послужил пожар новых сеновалов и сараев для сушки кож. С протяжным всем кинулись казак-киргизы к городу. Часть всадников приблизилась к строениям и пиками, на концах которых горели смоченные в керосине тряпки, и зажигали камышевые крыши домов и холодных построек. Другие пытались пробраться сквозь баррикады, но, встреченные выстрелами дружинников, отскакивали назад. Сами они были вооружены копьями и насаженными на длинные древка топориками. Ружья и то охотничьи в большинстве были едва-ли у одного из ста и стреляли из них чаще всего дробью или кусочками железа.

Хотя плохо вооруженные, казак-киргизы брали многочисленностью и своей настойчивостью. При свете сначала пожаров, потом при дневном они много раз повторяли нападение на утомленных защитников города и не без некоторого успеха. В начале нападения они в восточной части города сделали прорыв и добрались до двора местного врача, при чем был убит пулей взводный дружины А. А. Курбатов (инспектор высшего начального училища), а также два дружинника. Но отсюда казак-киргизы были вытеснены подоспевшим взводом оренбургских казаков, который дал два залпа и тем охладил пыл нападавших. В дальнейшем казаки, как и вся вообще военная сила укрепления, участия не принимали: против того был комендант Загайнов, не сдававшийся ни на какие просьбы дружинников и населения о помощи. Только казначейство, находившееся у въезда в город по почтовому Иргизскому тракту (где теперь Уфо), охранялось группой солдат местной команды, которые однако не помешали казак-киргизам в том же углу города сжечь целый квартал и проникнуть в центральные улицы. И все же овладеть городом не удалось. Еще менее успеха имело намерение казак-киргиз выволить арестованных, томившихся в тюрьме и на гауптвахте: на северную часть города, где находилось укрепление, и приступов не было, — только вдали гарцевали здесь степные наездники. В конце концов, часов около двух дня, казак-киргизы прекратили штурм города и отошли, при чем их отступление похоже было на бегство. Через реку переправились кто по льду, а кто норовил по мосту, уже испорченному, падал с лошадью вниз. У города не осталось никого, так что в сумерки некоторые из горожан рискнули отправиться на реку за водой, каковой в городе чувствовался недостаток.

Результаты нападения? Казак-киргизы сожгли много сена и немало домов. Убили трех дружинников и двух мирных граждан (тагар). Несколько человек увели в плен (одну русскую, татарку, сартянку, и мальчика русского). Взяли кое-что из имущества. Возмож-

но, что такого рода добыча не входила в планы командования и явилась результатом частной инициативы отдельных лиц. Не было согласования и в отношении мирного населения. Когда Абдулгафару (буд. эмиру) представили взятую в плен Рябикову, которую случайно слегка ранили копьём, он выразил неудовольствие и велел тут же промыть рану водой и помазать конским салом. Повидимому, не были распределены и места действия. У одного дома на восточной стороне города, где оперировала восточная армия, оказался отряд из одной армии, пытавшийся захватить добычу в виде русской женщины, обнаруженной войсками первой армии. Пока они спорили, женщина, лежавшая на земле (она тоже была задета копьём), ускользнула от них с своим сыном и прошла в укрепление. Это было еще на рассвете, при начале штурма.

Что потеряли казак-киргизы? Не менее 30 человек убитых, оставленных на улицах города (о числе убитых и раненых вне города нет известий, — их моментально увозили дальше, не дав даже упасть с лошади) и — веру в возможность взять город силой и выручить своих. Даже более того. Своим нападением они увеличили в несколько раз число арестованных, так как днем 6 ноября и в ночь на 7-е были лишены свободы все оставшиеся в городе казак-киргизы со всеми своими семействами, не менее 400 человек. Избегли этой участи только два казак-киргиза, в благонадежности которых не сомневался даже комендант Загайнов.

Казак-киргизские войска после своей неудачи пали духом и держались от города в нескольких верстах. Только немногочисленные группы всадников иногда под'езжали ближе. Но и жители боялись высовывать нос из города. За водой ездили, но с'ездить подальше за сеном не решались. А в сене была большая нужда. Сеновалы у города были сожжены 4—6 ноября, да сгорели и те запасы сена, которые оставались верстах в 3—4, нужно было ехать дальше. Пытались упросить коменданта дать охрану, но он отказался. Многим обывателям пришлось потому пожертвовать большей частью своей скотины, зарезав ее на мясо.

Положение в городе продолжало оставаться напряженным и тревожным, так как каждый день ждали нового наскока. Об этом предупреждали сами казак-киргизы. Они трижды присылали в город записки с требованием отпустить арестованных и с угрозой, в противном случае, вновь напасть. Первая записка была прислана с взятой при разгроме второй почтовой станции женой писаря, вторая с 5-летней девочкой Волковой, и третья с ее матерью, захваченной с дочерью на первой от Тургая станции. В. С. Волкова находилась в плену на зимовке верстах в 8 от города. Когда ее решено было использовать, как парламентаря, ее повезли вглубь степи и представили эмиру Абдулгафару, который ее лично знал. Он написал пись-

мо Тургайским властям и, вручая его Волковой для передачи по принадлежности, наказывал и устно требовать освобождения заключенных: „Скажи, Вера, что если наших не отпустят, мы опять нададем“. При этом он велел своим довести Волкову до камышей у города, обходясь с ней как можно внимательней. Когда ее довели до камышей, верстах в 3—4 от города, и стали раскладывать костер, чтобы ей согреться, (день был холодный, а теплой одежды у нее не было), она, вообразив, что ее хотят сжечь живьем, отказалась греться и тотчас же отправилась пешком к городу, на виду у всех, которыми и была переведена по льду. В укреплениях ее встретили честь-честью, накормили, напоили, но требований казак-киргиз не выполнили.

Дочь Волковой дня через три была приведена казак-киргизами к плотине, находившейся верстах в 7 от города. Замеченная солдатами, охранявшими плотину, она была укутана в шинель и приведена в укрепление, где окоченевшими пальчиками едва могла показать на угол головного платка, в котором было завязано новое письмо русским, тоже оставшееся безрезультатным.

Такое натянутое и неопределенное положение оставалось до 16 ноября, когда в город явились новые военные части. Тут был полк оренбургских казаков, две сотни донских, по эскадрону гусар и драгун, 8 рота особого назначения и 1½ батареи (½ батареи казачья). Уже самое появление таких крупных сил должно было подействовать расхолаживающе на руководителей восстания, и казак-киргизское войско сильно поредело. Аргынская армия, проявлявшая прежде более инициативы, даже задора и жестокости по отношению к русским, попадавшим в ее руки, стала разбегаться. На нее деморализующе подействовала уже неудача попытки овладеть Тургаем. Но окончательно расхолодила вторая неудача. При проходе к Тургаю какой-то воинской части (кажется полка оренбургских казаков), на третьей станции от Тургая тусунцы пытались напасть на отряд. Но им не дали даже приблизиться: от одного звука пушечных выстрелов, не причинивших никакого вреда казак-киргизам, они рассеялись и совсем отказались воевать. Более того, вожди движения пошли прямо на попятный. Они раскаялись в своем выступлении и пытались смягчить свою вину пред царским правительством. По своей инициативе или по требованию Тусунского начальства, Тусунские казак-киргизы отправили своего хана Оспана Чулакова в Тургай с повинной и с 45 тысяч рублями, захваченными ими на одной из станций. Но Тургайские власти вместо того, чтобы принять его с лаской и милостью, арестовали его и его советчика и спутника. Сидели они в тюрьме вплоть до февральского переворота. Оставшиеся на воле тусунцы и жители других ближайших к городу волостей продолжали демонстрировать свои верноподданнические чувства доставкой в Тургай продуктов и выполнением, за деньги ко-

нечно, подводной повинности, (они возили сено и топливо). Измену общему делу тусунцев и вообще казак-киргиз западных областей, к ним тянувших, можно объяснить тем, прежде всего, что они ближе к городу и более были уязвимы со стороны военных экзекуций. А затем они могли знать от Казалинских казак-киргиз, бежавших к ним и в Иргизский уезд о том, какие меры применяют русские власти к восставшим туземцам. ¹⁾

Но восточная половина уезда, возглавляемая умным, проницательным и авторитетным Абдулгафаром, осталась на прежней позиции. Армия, если и уменьшилась численно, то старалась выиграть в качественном отношении. Ее отряды обучались строю и ружейным приемам. Правда, последнее производилось на деревянных ружьях, так как настоящих было мало. В феврале 1917 года их было не более 200, при чем многие из них были переделаны из охотничьих. Эта армия держалась выжидательной политики и находилась вдали от Тургая. Штаб ее квартировал от города в 170 верстах; ханская ставка находилась в зимовке Сейдгаза Дукекбаева в 15 в. от урочища Батпак-кары.

Одновременно с улучшением армии эмир Абдулгафар занялся организацией гражданского укрепления в своей части уезда. Прежде всего, нужно сказать, высшая власть, его власть не была единоличной. Он отказался от звания хана и принял титул эмира в знак того, что желает править не самодержавно, а с помощью народа в лице его представителей. При нем и состоял совет из 20 человек, избранных волостями. В руководимой эмиром и его советом части Тургайского уезда не оставалось на местах ставленников царской власти, как из русских, так и казак-киргиз. Вся власть перешла к местному населению и свободно избранным им лицам—членам эмирова совета, волостным управителям, сборщикам податей и др. Подати шли на содержание администрации и национальной армии. Вновь избраны были и народные судьи. Замечено было, что в этот период самоуправления Тургайских казак-киргиз среди них очень упала цифра преступлений, даже таких бытовых, как бармта и кража.

Здесь кстати познакомить читателя с личностью самого Абдулгафара ^{*)}, так как его нравственная физиономия выясняет и его выдвижение большей половиной восставшего уезда на пост главы народа и самый характер руководимого им движения.

¹⁾ Из Казалинского уезда еще до 16 октября откочевало сюда несколько волостей (Очерки революционного движения в Средней Азии, 54).

^{*)} **От редакции.** По мнению казаков, хорошо знавших Абдулгафара, убитого в 1919 году, он отличался большим честолюбием, был жесток, властолюбив и корыстолюбив. Его отказ от звания хана продиктован был иными соображениями, на которые указывает текст, вырезанный на его личной печати: «Властелин правоверных». «Властелин правоверных» звучит сильнее, чем хан, которые, кстати, были в каждой волости, а стало быть, и звание это не могло удовлетворить честолюбие Абдулгафара. Абдулгафар вовсе не думал разделить с народом свою власть, а хотел быть «Властелином правоверных».

Уроженец Кортугайской волости, мужчина лет 45, Абдулгафар принадлежал к сильному, боевому роду, (роду Тлевлинцев) и, отстаивая интересы своих сородичей, всю жизнь провел в подвигах и занятиях, которые в старое время доставляли славу отдельным казак-киргизам и уважение. Он был известный бармтач, набегами и угоном скота отстаивавший свои права и укреплявший свое положение против посягательств недругов. В его роду было несколько волостных управителей. Незадолго до империалистической войны он сам был избран в волостные управители и с честью нес это звание. Уже это обстоятельство показывает, что он не был враждебен русской власти, которая ему доверяла, и что русская культура ему не была чужда.

С достижением общепризнанного авторитета и высшей власти Абдулгафар продолжал держаться скромно, умеренно и мягко не только по отношению к подчиненным, но и к врагам даже. Об этом, как и его практическом уме, свидетельствует проводившаяся им на совещании 4 ноября точка зрения, что город не следует брать штурмом. О мягкости говорит его отношение к русским пленным.

Немногие тургайцы, попавшие в плен в восточную армию все оставались целы и если подвергались опасности, то вопреки указаниям и прямым требованиям Абдулгафара. Вот рассказ о своем плене у этого эмира тургайской жительницы Акулины Рябиковой, захваченной при нападении на город. Когда ее, слегка раненную, представили Абдулгафору, он велел отправить ее и другую пленницу — татарку вглубь степи, при чем наказывал обращаться с ними гуманно, а Акулину отправить в его собственный аул и сдать его женам. Везли пленниц на двуколке, закрывши войлоками. В одном месте сопровождавшие их казак-киргизы зажгли скирду сена и намеревались сжечь их, но были остановлены более благоразумными. В зимовке Абдулгафара Акулина была хорошо принята двумя женами Абдулгафара и, хотя стряпала и исполняла другую работу по дому, но чувствовала себя не пленницей-рабыней, а как-бы невольной гостьей или компаньонкой двух дам — казак-киргизок. И когда мальчики-дети и племянники Абдулгафара, желая ее подразнить, говорили, что ее убьют, она сама их тузила. Когда хозяин, прибывши ненадолго на побывку, узнал об этой шалости детей, он их побранил и внушил им, что к Акулине нужно относиться с сочувствием и почтением, а не задорить ее. Освобождена была она в марте 1917 года, уже после февральской революции, когда к Абдулгафору обратился с просьбой о том ее муж. Правда сам эмир готовился отправить ее в Тургай, но ждал, когда просохнут дороги, чтобы можно было отвезти ее на телеге. Теперь уже ей пришлось возвращаться верхом на лошади.

Хуже пришлось тем русским, которые попали в плен к Ар-гынской армии. Приведу и их показания, характерные для настроений части казак-киргиз в период восстания и их отношений к русским.

Названная уже мною В. С. Волкова в конце октября ехала с дочерью и с женой одного Тургайского унтер-офицера в Тургай. По дороге все было тихо и даже в Иргизе их не предупреждали о надвигающейся опасности. И они спокойно доехали до последней перед Тургаем станции. Здесь их задержали в ожидании лошадей. И вот неожиданно для них с запада, со стороны Иргиза, надвинулась масса конных казак-киргиз. Без дальних разговоров они подожгли здание. Потом стали ломиться в дверь к запершемуся писарю и, разбив ее, выволокли несчастного и бросили его полумертвого от страха в горевшие надворные постройки (таково показание Волковой, несколько теряющее в своей достоверности ввиду ненахождения экспедицией из Тургая, чрез два дня, ни трупов, ни костей на этой станции). Всех прочих, найденных на станции, оставили в живых и погнали в степь, в сторону от почтового тракта. Тут была жена писаря с тремя малолетними детьми, пять служащих станции, в том числе два казак-киргиза, и трое проезжавших. Поместили их в какой-то долине, где они жили несколько дней, строго охраняемые от побега. Потом их переводили из аула в аул, при чем держали всех врозь под караулом. Кормили плохо, но не запрещали сердобольным приносить пленным еду сверх положенной нормы. Не раз угрожали убить, но находились такие, которые останавливали подобные поползновения, находя невужной и бесцельной смерть пленных: „и так много народу погубили“. При этом раздавались и такие речи, что это даром не пройдет. Время от времени в лагере восставших чуть не начиналась паника, когда до них долетали слухи о приближении казаков.

Во время нападения на Тургай 6 ноября пленные находились в ближайшей к городу зимовке, верстах в 8. Их вывели из домов и заставили глядеть на зажженные сеновалы и кожевенный сарай, объясняя, что пожар произведен с военной хитростью, — чтобы ворваться в город, когда население бросится тушить огонь. К этому стража добавила, что на город задумано нападение, чтобы освободить арестованных.

Из русских пленников, попавших в руки казак-киргиз на последней перед Тургаем станции, уцелели только трое проезжих через нее — Волкова с дочерью, которые посланы были в город в качестве парламентаров, и унтер-офицерская жена. Довольно красивая женщина, она попала в руки одного пожилого военначальника — казак-киргиза, который возымел намерение сделать ее своей женой, при чем в начале добивался, чтобы она приняла ислам. От последнего она отвертелась, замужество же, казалось, было неизбежным. Тогда она стала требовать себе свободы выбора мужа из казак-киргиз, имея ввиду более молодого. И было не мало претендентов на ее руку и сердце из более молодых. Но на такую комбинацию не согласился военначальник, совершенно правильно рассудивший, что

тогда его шансы сильно поколеблются. Пока продолжалась эта борьба за обладание русской привлекательной женщиной, дело кончилось так, что она никому не досталась. Оспан Чулаков был арестован — и от него в Тургае потребовали возвращения по принадлежности унтер-офицерской жены.

Хуже было с другими пленными, — не один из них лишился жизни, причем к иным применены были всякие жестокости. Известны случаи, когда на глазах матери, привязанной к столбу, резали одну за другой ее малолетних дочерей, а потом кончали и с ней. Иных сжигали живыми на костре. Одни погибали при самом нападении на станции, другие уводились в степь и постепенно становились жертвами племенной ли неависти к русским или личной кровожадности некоторых из казак-киргиз.

Но общее число русских, захваченных на станциях, не было велико: если даже считать в среднем по пяти человек на каждую из станций в пределах Тургайского уезда, то и тогда получится цифра не свыше 30 человек. Но и из них не все погибли. Любопытен рассказ Ф. Николаева, служившего писарем на 4-й от Тургай станции (в Акчиганаке). Лично для него восстание казак-киргиз не было неожиданностью. Он его предвидел и даже докладывал проезжавшему через станцию губернатору, которому заявил о намерении в виду этого оставить службу. Эверсман убедил его оставаться на месте, потому что казак-киргизы не посмеют... А что казак-киргизы готовили русским, видно из одного мелкого, но характерного факта. Сослуживец Николаева — казак-киргиз незадолго до нападения на станцию выпросил у него сапоги: „тебе они все одно не будут нужны“...

Напавшие на Акчиганак казак-киргизы сожгли школу, разграбили имущество служащих станции, а их самих и их семейных увели в степь, по ту сторону р. Тургай. Увели в плен также, проезжавшего через ст. Акчиганак, учителя Иванова с женой и двумя сыновьями и местных учителей Егорову и Жумаршова, казак-киргиза. Последний убеждал своих соплеменников не убивать русских. Пленных недели три держали под стражей в землянках аула. В течение этого времени они были изолированы от всего мира и много нагнетались.

Находясь в плену, русские пользовались покровительством Бенде Нарамбетова, народного судьи. Но когда там стало известно, что при нападении на Тургай убит сын Бенде, он пришел в такую ярость, что по его настоянию едва не была совершена над русскими кровавая расправа. Спасло их на этот раз заступничество аксакала Илеу.

Все время нахождения в плену положение пленных было чрезвычайно напряженным и опасным. Наконец им объявили, что на следующий день решится их судьба: женщины будут отданы казак-киргизам, а мужчинам предложат на выбор — или ислам, или смерть.

Но вечером, накануне этого страшного дня, двое мужчин, отпросились у стражи „выйти до ветру“, улизнули из аула и направились к реке. В темноте они услышали за рекой говор людей и фырканье лошадей, приведенных на водопой. Окликнули — оказались казаки. Им сообщили о русских пленных в ауле. На следующий день отряд казаков освободил их. Казачий офицер хотел при этом расправиться со стражей, охранявшей пленных, но последние спасли им жизнь, заявивши, что от караульчиков худа не видели... Освобожденные русским отрядом пленные, были направлены в Тургай в сопровождении спасшей их воинской части.

На ст. Тонкайме были убиты два почтальона Григорий Прохоров и Тимошкин, причем у первого было взято 40.000 рублей казенных денег. Впоследствии они были доставлены в Тургай в нераспечатанном виде с ханом Чулаковым.

Итак конец октября и начало ноября 1916 г. были моментом, когда Тургайские киргизы проявили в высшей мере агрессивные намерения, напав на русский военный отряд и на русский город с укреплением и разрушив почтовые станции. Местная русская власть, отрезанная от Центра, заняла пассивно-выжидательное положение, из которого долго не выходила, даже когда в Тургай явились большие военные силы. Долгое время никаких походов для умирения восставшего населения не предпринималось, быть может потому, что стояла снежная зима, не благоприятствовавшая военным передвижениям, притом с пушками. Сами киргизы в восточной части уезда тоже не вызвали своим поведением на немедленное применение карательных экспедиций.

При таких условиях почти не было и речи о даче подлежащих мобилизации на тыловые работы. В начале до нападения на город, как будто собирались что-то сделать. Из одного донесения управителя Кзыл-Джингильской волости от 7 декабря видно, что хотя предыдущее его соображение по данному вопросу, посланное в Тургай, в начале октября, было задержано по пути в другой волости вместе с чабаром, везшим его, но все же он обещал в конце декабря представить по принадлежности списки киргиз призывного возраста, нарядом каковых на тыловые работы „население вверенной мне — писал он — волости в настоящее время занято“. Но сам управитель в тот момент, когда посылал такие успокоительные вести, находился не в своей волости, а в гор. Перовске, где и ждал распоряжений и пакетов. Сохранилось еще донесение управителя Кайдаульской волости крестьянскому начальнику 2-го участка Тургайского уезда от 25 октября из ставки Жиланчик с обещанием доставить в г. Тургай „по возможности“ к сроку, к 14 ноября, и списки мобилизованных и их самих. Хотя управитель и уверял, что население „вверенной (ему) волости никакого участия в этом волнении не принимало и не будет принимать“, но все же, предполагая воз-

возможность этого, обещал особо донести о тех лицах, „кои не подчиняются властям“. С другой стороны, волнения казак-киргиз в других местах, по тому же донесению, настолько мешали правильным сношениям Кайдаульской волости с Тургаем, особенно в пределах Аккумской волости что Кайдаульский управитель сдал всю накопившуюся у него корреспонденцию в контору Чокпар-кунских каменноугольных копей „для посылки по принадлежности“. В результате данное донесение дошло до Тургая только 21 февраля 1917 г.*). Несколько затруднительны были в ту пору почтовые сношения, видно из того, что даже доклад Ткаченко о неслыханно-дерзком нападении киргиз на сотню казаков от 28 октября отправлен был Тургайскому губернатору только 23 января. Только со второй половины января почта начала более или менее правильно функционировать. Даже правильные телеграфные сношения долго не могли быть обеспечены. После разгрома почтовых станций 22 октября телеграф был восстановлен лишь в середине ноября с приходом воинских частей. Но с их уходом, 24 ноября телеграфная линия вновь была перерезана. Восстановлена срочно 11 января с приходом новых частей. В феврале почтовые сношения даже внутри уезда были настолько налажены, что второе донесение управителя Кайдаульской волости от 28 февраля 1917 г. получено было в Тургае 3-го марта.

Это улучшение положения русской власти в уезде последовало после февральской экскурсии, совершенной в глубь степи Тургайскими воинскими частями и поражения, нанесенного восточной армии. Но прежде чем рассказать об этом, вернемся в Тургай и посмотрим, что там делалось после нападения киргиз на город.

Мы уже знаем, что после этого нападения было арестовано все киргизское население города, человек 400. Вместе с прежде арестованными они уплотнили помещения тюрьмы и гауптвахты до того, что на 100 человек приходилось 50—60 квадратных аршин площади пола. Режим был до того суровый, что здесь же, на людях, двум женщинам пришлось разрешаться от бремени. Не позаботились даже о воде, и караульщики брали по 3 руб. за стакан воды. Положение несколько улучшилось, когда один из заключенных предложил начальству послать за водой его человека с его лошадью и бочкой. Что до еды, то на первых порах кормили мясом раненых в бою лошадей, а когда этот ресурс иссяк, заключенным пришлось весьма туго.

В это время умерли от голода семь арестованных Ткаченко наурзумцев. Ко всему этому нужно добавить, что тюремщики не отпускали арестованных даже для отправления естественных нужд, которые приходилось удовлетворять на публике, заражая зловонием и без того спертый воздух.

* Из дела Тургайского архива о мобилизации на тыловые работы 1917 г. («Наряд принятия на тыловые работы действующей армии», нач. 4 марта 1917 г.).

Это тюремное испытание продолжалось для вновь арестованных 16—18 дней. Потом власти, отобравши 19—31-летних мужчин и лиц, пользовавшихся большим или меньшим влиянием на казак-киргиз, всех прочих насильственно выпроводили за город. Воспользовавшись приездом в Тургай многих тусунцев, привезших в город продукты, власти на их подводах отправили женщин и детей, в сопровождении пеших мужчин, в урочище Сужарган, в 25 верстах от города, где и оставили их. Масса высланных провела ночь в землянках, а затем разбрелась по всей степи. Возвращение в город им было воспрещено, а когда один из них (Б.К. Кар-н) очутился скоро вблизи Тургай и начальство узнало о том, то оно потребовало доставить его в город. Здесь Кар-н был арестован по обвинению в шпионстве и других менее тяжких преступлениях. Но дней через 40, 10 февраля, был освобожден по удостоверению врача об его тяжелом болезненном состоянии и под залог в 2000 рублей, какие внесли за него два местных татарина. У самого Кар-на, как и у прочих киргиз в Тургае, ни денег, ни движимого имущества уже не осталось. За три месяца беспризорности оно было расхищено солдатами, казаками и русским населением. Наиболее же ценные вещи перешли к коменданту Загайнову и помощнику уездного начальника Ткаченко.

Мы говорим, что обе стороны всю зиму держались выжидательной политики. Но киргизы чувствовали, что с наступлением весны неизбежны столкновения с войсками. В виду этого решено было в начале февраля послать делегацию в Туркестан, чтобы выведать, что там делается, и войти в соглашение с тамешними туземцами, а также, чтобы приобрести патроны. В посольство было избрано четыре человека, в том числе брат эмира Садыман Жанбосунов и Зияутдин Ишанов. Посольство доехало до Перовска (ныне Кызыл-Орда) и, купив там 10 пуд. ружейных патронов, отправились дальше, разбившись для большой безопасности на две группы.

Военные действия в Тургайском уезде начались ранее даже, чем вернулось посольство и чем ожидал эмир с своими советниками. Как мы знаем, западные Аргынские киргизы очень скоро отстали от общего дела и, повидимому, очень были заинтересованы тем, чтобы русские власти забыли об их участии в восстании. Более того, они стали внушать властям, что для успокоения края необходимо рассеять восточную армию, которая является скопищем бунтовщиков, а может быть просто бандой разбойников. В результате этих внушений после 10 февраля была снаряжена военная экспедиция против армии Абдулгафара. В ней добровольно или по предложению властей приняло участие человек 20 казак-киргиз в качестве проводников. Тут были аргынцы, но были и кипчакцы, ибо среди казак-киргиз последнего рода были люди недовольные упорным сопротивлением Абдулгафара царской власти.

Верстах в 120 от города, в урочище Кумкешу в пределах Каратургайской волости, передовые части Абдулгафара пытались перерезать путь этому отряду. Но несколько пушечных выстрелов не дали приблизиться казак-киргизам и завязать рукопашный бой. Принужденные отойти, казак-киргизы остановились верстах в 35 вверх по течению р. Тургая, между Догалом и Урпеком. Здесь на берегу реки в камышах засели все стрелки Абдулгафара (человек 200). Несколько вдали расположился вооруженный пиками авангард армии, а ядро последней отошло в глубь степи. Но стрелки скоро были обойдены казаками и их на месте легло человек 60 (в том числе один из братьев Абдулгафара). Остальные успели скрыться, как и весь авангард. Случилось это 21 февраля.

За восточной армией русский отряд не последовал. Он дошел только до Ханской Ставки и кое-что оттуда увез, между прочим часть архива эмира. Попутно солдаты и казаки пошарили в окрестных аулах, где произвели ряд убийств, изнасилований и похищений. С своей стороны Абдулгафар с своими советниками снарядил карательную экспедицию против тех, кого они считали инициаторами и виновниками похода. Эта экспедиция угнала табун лошадей в Чубаланской волости и заглянула в некоторые тусунские аулы. Это впоследствии киргизами Тусунской волости и Тургая поставлено было в счет лично Абдулгафару, с которого они требовали в возмещение своих убытков 300.000 рублей.

Неудача Абдулгафаровой армии уже сама по себе знаменовала конец киргизского восстания, ибо стало ясно, что невозможно противиться регулярным войскам для скопищ почти безоружных номадов, хотя и спаянных дисциплиной, любовью к родному краю и ненавистью к царскому режиму. Но еще до этого поражения киргиз, еще с середины января, русская власть в Тургае почувствовала уже почву под своими ногами, отчасти ввиду наличия в городе военной силы в больших размерах, отчасти ввиду отпадения от восстания половины населения уезда. Мало того. Власти начинают хлопотать о выполнении казак-киргизами того самого приказа, из за которого и загорелся сыр-бор.

Уже 25 января крестьянский начальник 2-го участка разослал распоряжения волостным управителям, которые, очевидно, посмели вернуться к отправлению своих обязанностей или вновь были поставлены, — распоряжения, чтобы они потребовали от аксакалов представления своих сородичей в возрасте от 19 до 31 года на сборный пункт в гор. Тургай, а затем, принятых здесь на едаточном пункте, в Челкар. И управитель Кайдаульской волости 18 февраля действительно объявил об этом распоряжении аксакалам. 28 числа он донес, что аксакалы „покорно подчиняются высочайшему повелению“ приступают к составлению списков и готовятся везти призываемых, но

думают, что к назначенному сроку не успеют выполнить возложенных на них поручений, так как тому препятствовали „киргизские шайки... до бывшего сего 21 февраля в Каратургайской происшествия“ (т. е. до военной экспедиции и разгрома Абдулгафаровских стрелков). Но все же аксакалы рассчитывали „окончить доставку призываемых лиц в Тургай“ до 25 марта, о чем и просили довести до сведения начальства (отношение № 1 от 28 февраля).

В деле крестьянского начальника 2-го участка*), где мы нашли это отношение, имеется еще телеграмма от 7 марта крестьянского начальника, полковника Каретникова в Оренбург Тургайскому губернатору „назначенные сроки призываемые Кайдаульской волости не являлись“.

Так как о совершившемся уже государственном перевороте в России, который должен был внести новое во взаимоотношения русской власти и казак-киргиз, в самом Тургае стало известно лишь 3-4 марта, то понятно, что медлительность Кайдаульцев нужно объяснить не расчетами их на революцию, а все тем же пассивным сопротивлением приказу о мобилизации, не смотря на все обещания аксакалов.

О подлинных настроениях восточных киргиз в это время мы узнаем из рапорта управителя Каратургайской волости от 1 марта за № 5... „Относительно призыва на тыловые работы по высочайшему повелению молодежи во вверенной мне волости, находясь в волнении, большинство из них образуют совместно с другими разных волостей скопища и тем учиняют противоправительственные беспорядки, в том числе преследуя меня и других, а равно и писаря в особенности, всячески стараясь не допускать приезда в гор. Тургай для выполнения служебных обязанностей и отказываясь от явки на осмотр в гор. Тургай“. Волостной управитель в виду этого просил передать выполнение приказа о мобилизации в военные руки. А, что действительно Каратургайские казак-киргизы „всячески старались“ не допускать сношений с Тургаем, видно из того, что это донесение от 1 марта получено было в Тургае только 5 апреля.

Говоря о призыве казак-киргиз на тыловые работы в армии, необходимо упомянуть особо об одной из тех групп их, какие самим начальством были освобождены от мобилизации. Это заводские и промышленные рабочие, пока они состояли в тех или иных предприятиях, имевших государственное значение. Касательно их в найденных нами делах встречаются такие указания.

Председательствующий Тургайского уездного съезда крестьянских начальников еще 14 октября сделал представление Тургайскому областному правлению в Оренбурге об освобождении от мобили-

*) Это именно дело цитируется выше под названием «Наряд принятых на тыловые работы». Найдено нами в куче бумаг, составляющих старый архив ТургУИК'а, совсем неразобранный.